

DOI: [10.14515/monitoring.2025.3.2901](https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.3.2901)

Д. Е. Карева, О. В. Синявская, А. А. Миронова

**ОСОБЕННОСТИ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО ПОВЕДЕНИЯ
ЛЮДЕЙ СТАРШЕГО ВОЗРАСТА В РОССИИ:
СНИЖЕНИЕ РАСХОДОВ И УПРОЩЕНИЕ
СТРУКТУРЫ ПОТРЕБЛЕНИЯ**

Правильная ссылка на статью:

Карева Д. Е., Синявская О. В., Миронова А. А. Особенности потребительского поведения людей старшего возраста в России: снижение расходов и упрощение структуры потребления // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2025. № 3. С. 36—60. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2025.3.2901>.

For citation:

Kareva D. E., Sinyavskaya O. V., Mironova A. A. (2025) Features of Consumer Behavior of Older People in Russia: Reduction of Expenses and Simplification of Consumption Structure. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 36—60. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2025.3.2901>. (In Russ.)

Получено: 12.01.2025. Принято к публикации: 06.05.2025.

ОСОБЕННОСТИ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО ПОВЕДЕНИЯ ЛЮДЕЙ СТАРШЕГО ВОЗРАСТА В РОССИИ: СНИЖЕНИЕ РАСХОДОВ И УПРОЩЕНИЕ СТРУКТУРЫ ПОТРЕБЛЕНИЯ

КАРЕВА Дарья Евгеньевна — научный сотрудник, Институт социальной политики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: dkareva@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0003-2076-7391>

СИНЯВСКАЯ Оксана Вячеславовна — кандидат экономических наук, зав. Центром комплексных исследований Института социальной политики, зам. директора Института социальной политики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: osinyavskaya@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6044-0732>

МИРОНОВА Анна Алексеевна — кандидат социологических наук, научный сотрудник Института социальной политики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: nusa13@rambler.ru
<https://orcid.org/0000-0002-7182-4643>

Аннотация. На фоне старения населения люди старших возрастов становятся все более заметной категорией потребителей, что актуализирует исследование их потребительского поведения. Как меняются уровень и структура потребления с переходом к более старшим возрастам в России? Насколько разнообразно потребление россиян старшего возраста? Это основные вопросы, которым посвящено данное исследование, основанное на данных первой волны обследования населения «Экономическое поведение домашних хозяйств» (ЭПДХ ВШЭ).

FEATURES OF CONSUMER BEHAVIOR OF OLDER PEOPLE IN RUSSIA: REDUCTION OF EXPENSES AND SIMPLIFICATION OF CONSUMPTION STRUCTURE

*Darya E. KAREVA*¹ — Research Fellow, Institute for Social Policy
E-MAIL: dkareva@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0003-2076-7391>

*Oxana V. SINYAVSKAYA*¹ — Cand. Sci. (Econ.), Director of the Centre for Comprehensive Social Policy Studies, Deputy Director at the Institute for Social Policy
E-MAIL: osinyavskaya@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6044-0732>

*Anna A. MIRONOVA*¹ — Cand. Sci. (Soc.), Research Fellow, Institute for Social Policy
E-MAIL: nusa13@rambler.ru
<https://orcid.org/0000-0002-7182-4643>

¹ HSE University, Moscow, Russia

Abstract. With the aging population, older people are becoming an increasingly visible category of consumers, which makes research into their consumer behavior relevant. How do the level and structure of consumption change with the transition to older ages in Russia? How diverse is the consumption of older Russians? These are the main questions addressed by this study, which bases on data from the first wave of the population survey Economic Behaviour of Households (HHEB HSE).

The authors use descriptive statistics together with factor, cluster, and regression analysis. The data shows that at older ages (60 years

В работе используются методы описательной статистики, факторного, кластерного и регрессионного анализа. Показано, что в старшем возрасте (60 лет и старше) уровень расходов снижается, а их структура упрощается, в ней начинают преобладать базовые категории расходов — на питание дома, ЖКУ и лекарства. В возрасте 70 лет и старше на базовое потребление приходится в среднем 81 % расходов. Регрессионный анализ свидетельствует, что наличие занятости и сбережений связано с более высокими совокупными среднедушевыми расходами.

Группа потребителей 60 лет и старше, проживающих без детей, неоднородна: кластерный анализ показал, что лишь 25 % среди них имеют высокую долю расходов на питание (центр кластера — 70 %), и это почти не оставляет места для иных расходов. В то же время 29 % тратят на питание около четверти совокупных расходов. Оценки мультиномиальной логистической регрессии свидетельствуют о значимости различий между кластерами по возрасту, типу населенного пункта, наличию сбережений, кредитов и расходов по отдельным статьям трат. При этом результаты позволяют предположить, что характер потребления в старшем возрасте определяется не только величиной доходов, но и, возможно, в большей степени возрастом и активностью человека.

Ключевые слова: население старшего возраста, структура потребления, возрастные различия, ЭПДХ ВШЭ, расходы домохозяйств

Благодарность. Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

and older), the level of expenses decreases, their structure becomes simpler, and the basic categories of expenditures — for food at home, housing and utilities, and medicines — begin to prevail in it. At the age of 70 years and older, basic consumption accounts for an average of 81 % of expenses. Regression analysis shows that employment and savings are associated with higher average per capita expenditures.

The group of consumers aged 60 and over living without children is heterogeneous. Thus, cluster analysis showed that only 25 % of them have a high share of expenses on food (cluster centre — 70 %), which leaves almost no room for other expenses. At the same time, 29 % spend about a quarter of their total expenses on food. Multinomial logistic regression estimates indicate the significance of differences between clusters by age, type of settlement, availability of savings, loans, and expenses for individual expense items. Moreover, the results suggest that the nature of consumption in old age is determined not only by the amount of income, but also, perhaps to a greater extent, by the age and activity of the person.

Keywords: older adults, home food expenses, consumption structure, age-related differences, HHEB HSE, household expenditures

Acknowledgments. This article is an output of a research project implemented as part of the Basic Research Program at the HSE University.

Введение

На фоне старения населения и увеличения продолжительности периода старости в государствах, обеспечивающих универсальный охват пенсионными системами, к числу которых относится и Россия, люди старшего возраста становятся все более заметной по численности категорией потребителей, что актуализирует исследование их потребительского поведения. В экономически развитых странах государственные пенсии, как минимум защищающие от нищеты и бедности, а также частные пенсии и добровольные сбережения позволили сместить фокус экономического поведения в старшем возрасте со стратегий выживания, направленных на поиск ресурсов для обеспечения базового потребления, на поиск моделей расширенного потребления, соответствующих потребностям этапа жизненного пути и имеющимся ресурсам (как финансовым, так и здоровья) [Higgs, Gilleard, 2006]. Одновременно социальные изменения привели к расширению свободы пожилых в формировании своей идентичности и выборе моделей поведения [Beck, Bonss, Lau, 2003], что также способствовало большему разнообразию в потреблении.

Еще несколько десятилетий назад процессы в России развивались в противоположном направлении: переход к потребительскому капитализму происходил в условиях возросшей смертности, сокращения доходов всех, но особенно пожилых, лишенных возможности встроиться в новые условия, и потери сбережений. В этом контексте закономерно то, что исследований потребления в старших возрастах в России — единицы [Ниворожкина, Ниворожкин, Абазиева, 2010; Nivorozhkin, 2010], а основное внимание ученых уделялось вопросам бедности [Синявская, 2006] и материальных деприваций в старшем возрасте [Малева и др., 2019]. Однако за последние 20 лет уровень жизни людей старшего возраста в России возрос, что актуализирует изучение их потребительского поведения.

В фокусе данного исследования — преимущественно монетарные характеристики потребления: уровень как совокупных расходов, так и по отдельным статьям, структура потребительских расходов и в меньшей степени — сложившиеся паттерны (стили) потребления.

Эмпирическую базу исследования составила первая волна выборочного обследования «Экономическое поведение домашних хозяйств» (ЭПДХ ВШЭ), проведенная НИУ ВШЭ летом 2023 г. Целевой группой работы выступает население 60 лет и старше, которое в Стратегии действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 г.¹ обозначается как «старшее поколение». В работе применяются методы описательной и многомерной статистики; при проведении факторного, кластерного и регрессионного анализа дополнительно исследуются пожилые, проживающие с детьми.

Статья имеет следующую структуру. В первом разделе обобщаются результаты ранее проведенных исследований, фокусирующихся на динамике уровня и структуры потребления в старших возрастах. Далее представляются данные и методология исследования, за которыми следует описание полученных результатов. Возможные интерпретации результатов, обсуждение их ограничений и перспектив дальнейшего исследования потребления в старших возрастах приводятся в заключении.

¹ Распоряжение Правительства РФ от 05.02.2016 № 164-п URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_193464/ (дата обращения: 10.04.2025).

Особенности потребления в старшем возрасте

Потребление в старших возрастах — предмет экономических, социологических и маркетинговых исследований, но, несмотря на растущий интерес, оно до сих пор реже привлекает внимание исследователей, чем потребление детей или трудоспособных взрослых. В России же эмпирические работы по этой теме до сих пор немногочисленны [Ниворожкина и др., 2010; Веселов, Таранова, Цзюнькай, 2018].

Экономические исследования ищут ответы на вопросы о том, как по мере старения меняются уровень и структура потребления, склонность человека к сбережениям. Теория не дает однозначного ответа. С одной стороны, в соответствии с гипотезой жизненного цикла Ф. Модильяни [Modigliani, 1966] и гипотезой перманентного дохода [Friedman, 1957] предполагается, что после выхода на пенсию индивид стремится сохранить привычный уровень потребления, из-за чего начинает тратить сбережения, сформированные в трудоспособном возрасте. Короткий горизонт остающейся жизни может подталкивать пожилых людей к тому, чтобы меньше сберегать и больше потреблять (по сравнению с молодостью).

С другой стороны, неопределенность относительно того, сколько еще предстоит прожить, может побуждать их сдерживать свои расходы и формировать «предупредительные сбережения» (precautionary-saving) [Deaton, 1992]. А. Бёрш-Зупан и К. Шталь [Borsch-Supan, Stahl, 1991] модифицировали гипотезу жизненного цикла, введя концепцию «ограничения потребления» (consumption constraints), согласно которой человек заблаговременно сберегает часть своего дохода, ограничивая себя в текущем потреблении, для того чтобы снизить риски, связанные с внезапным ухудшением здоровья или непредвиденно долгой продолжительностью своей жизни, не обеспеченной регулярным доходом [там же: 235].

В исследованиях на микроуровне, выполняемых на данных опросов домохозяйств, предположение Ф. Модильяни о снижении потребления при стабильном или растущем уровне потребления в старости, как правило, опровергается; однако находит подтверждение модифицированная гипотеза жизненного цикла в версии А. Дитона и А. Бёрш-Зупана. Например, Ш. Данзигер с коллегами [Danziger et al., 1982] на данных Исследования потребительских расходов (Consumer Expenditure Survey²) за 1972—1973 гг. показал, что пожилые американцы тратили меньше, чем более молодые, при том же уровне доходов. При этом пожилые люди продолжали сберегать деньги даже после выхода на пенсию: самая старшая возрастная группа (старше 70 лет) имела наименьшую склонность к потреблению и самый высокий уровень сбережений. Снижение потребления среди людей старшего возраста подтверждается и в следующих исследованиях [Hurst, 2008]. Более того, проанализировав специфику потребления отдельно в разрезе когорт и в разрезе возрастных групп на основе данных обследования доходов и расходов в Германии (German Income and Expenditure Surveys), А. Бёрш-Зупан пришел к выводу, что склонность пожилых людей с возрастом (особенно после 70 лет) сокращать потребление и увеличивать сбережения не связана с принадлежностью к определенной когорте, а обусловлена именно эффектом возраста [Borsch-Supan, 1991].

² Данные включают сведения о расходах на еду дома, еду вне дома, алкоголь и табак, жилье, одежду и услуги по пошиву одежды, транспорт, здравоохранение, развлечения, личную гигиену, образование, денежные взносы (cash contributions), личное страхование и прочее.

Среди возможных причин сокращения потребления и роста сбережений в старших возрастах западные исследователи называют следующие: 1) по мере старения человека его возможности сохранять занятость снижаются и усиливается неопределенность будущего, связанная с состоянием здоровья, оставшейся продолжительностью жизни и способностью самостоятельно вести домашнее хозяйство [Danziger et al., 1982] или оплачивать медицинские расходы [Deaton, 1992]; 2) до более старших возрастов зачастую доживают более обеспеченные люди, а сбережения положительно связаны с доходом [Hurd, 1989].

Прекращение работы в связи с выходом на пенсию при контроле эффектов возраста также приводит к значимому снижению потребительских расходов [Browning, Crossley, 2001; Battistin et al., 2009]. Это происходит преимущественно за счет сокращения расходов на питание, а также расходов, связанных с занятостью (в частности, расходов на покупку одежды и транспортных расходов), тогда как остальные статьи расходов существенно не изменяются или даже немного растут при выходе на пенсию [Miniaci, Monfardini, Weber, 2003; Hurst, 2008].

Снижение расходов на питание у пенсионеров подтверждается во многих исследованиях [Allais, Leroy, Mink, 2020; Barrett, Brzozowski, 2012; Luengo-Prado, Sevilla, 2013; Stephens, Toohey 2025; Nivorozhkin, 2010]. При этом на данных по США было установлено, что при выходе на пенсию расходы на питание сокращаются больше, чем общий уровень расходов [Fisher et al., 2008]. Аналогичные результаты были получены и на данных НОБУС за 2003 г. по России [Nivorozhkin, 2010; Ниворожкина и др., 2010]: у всех пенсионеров потребление снижается на 14 %, а расходы на питание — на 18 %, у неработающих пенсионеров — на 21 % и 27 % соответственно.

Поскольку снижение потребления при выходе на пенсию противоречит исходной гипотезе, выдвинутой Ф. Модильяни в рамках жизненного цикла, его называют «головоломкой пенсионного потребления» (Retirement Consumption Puzzle) [Browning, Crossley, 2001; Battistin et al., 2009]. Одно из возможных объяснений «головоломки пенсионного потребления» состоит в том, что пенсионеры стремятся сократить расходы за счет использования высвободившихся ресурсов времени, так как относительная цена их времени падает [Aguiar, Hurst, 2005; 2007]. Это приводит к росту расходов, «комплементарных» временным ресурсам (например, расходов на развлечения), и сокращению расходов, «замещающих» время (например, расходов на питание). Пенсионеры могут тратить меньше на питание, потому что начинают чаще готовить еду дома вместо покупки готовой еды или полуфабрикатов или тратить больше времени на поиск и приобретение привычных продуктов по более выгодным ценам [Velarde, Herrmann, 2014]. На данных по США показано, что на фоне снижения денежных расходов на питание на 17 % фактическое потребление пищи с точки зрения количества потребляемых калорий и качества рациона при выходе на пенсию не изменяется за счет увеличения на 53 % временных затрат на приобретение продуктов и приготовление пищи [Aguiar, Hurst, 2005; Hurst, 2008].

Вместе с тем исследователи обращают внимание на то, что ситуация равноценного замещения денег временем без потери качества питания не универсальна. Сильнее всего сокращаются расходы в целом и на питание в частности у пенсионеров из низкодоходной группы [Hurst, 2008], в отношении которой модель за-

мещения рыночных расходов домашним производством при выходе на пенсию слабо применима, в том числе из-за большей распространенности вынужденного ухода с рынка труда по состоянию здоровья [Hurst, 2008].

В исследовании по России [Nivorozhkin, 2010] отмечается, что при выходе на пенсию неизменность расходов на товары кратковременного пользования (non-durables) на фоне снижения общего уровня расходов и расходов на питание может объясняться существованием системы государственной поддержки пенсионеров, которая в России подразумевает в том числе помощь в натуральной форме³. По оценкам А. Ниворожкина, в случае моделирования ситуации, когда помощь со стороны государства отсутствует, расходы на товары кратковременного пользования также будут заметно сокращаться. При этом автор отмечает, что масштаб сокращения потребления в связи с выходом на пенсию сопоставим с масштабом сокращения с возрастом субъективных оценок минимальных потребностей⁴ [Nivorozhkin, 2010].

Неравномерное сокращение потребительских расходов на разные цели приводит к изменению структуры потребления. В литературе различают так называемое простое (или базовое, simple) и сложное (или расширенное, complex) потребление [Gilleard, Higgs, 2011]. Первое включает в себя расходы на питание, жилье, жилищно-коммунальные услуги, одежду; иногда — на медицинские услуги. Второе — расходы на отдых и развлечения, путешествия, уход за собой, разнообразные личные услуги и т. п. М. Абдел-Гани и Д. Шарп в обзоре американских исследований показали, что с увеличением возраста упрощается структура потребительских расходов, в 1980-е годы американцы 65 лет и старше около четырех пятых своего бюджета тратили на питание, транспорт, жилье и медицинские услуги [Abdel-Ghany, Sharpe, 1997: 92]. Их собственное исследование показало, что паттерны потребления существенно меняются при переходе к самым старшим (75+) возрастам [ibid.]. Ожидание смены ролей и образа жизни по мере перехода к более старшим возрастам, которое может формироваться у «молодых пожилых» из наблюдений за своими родителями и их сверстниками, может снижать, например, спрос на одежду и обувь [Moschis, 2012]. Вместе с тем более поздние американские и европейские исследования показали, что структура потребления мало меняется вплоть до самых старших возрастов (75 лет и старше) за счет увеличения разнообразия потребительских расходов у людей 60—74 лет в 1990—2000-е годы, скорее всего, вследствие роста их доходов [Gilleard, Higgs, 2011].

Социологические и маркетинговые исследования в большей мере, чем экономические, фокусируются на вопросах внутренней неоднородности и неравенства в потреблении в старших возрастах, а также пытаются объяснить их через различия в потребительских установках, способностях пожилых потребителей обрабатывать информацию, в стилях жизни и потребления, потребительских прак-

³ В рамках данного исследования было проанализировано среднее потребление домохозяйств, главы которых находятся в следующем возрастном диапазоне: от возраста на десять лет моложе пенсионного возраста до возраста на десять лет старше пенсионного возраста в России [Nivorozhkin, 2010]. Стоит отметить, что оценка проводилась на данных Национального обследования бюджетов домашних хозяйств и участия в социальных программах (НОБУС), собранных в 2003 г., еще до монетизации льгот в России.

⁴ Субъективная оценка минимальных потребностей оценивалась на основе вопроса: «Сколько денег нужно Вашей семье, чтобы жить удовлетворительно?» [Nivorozhkin, 2010].

тиках и привычках [Gilleard, Higgs, 2011; Zniva, Weitzl, 2016; Berg, Liljedal, 2022]. Подчеркивается, что внутренняя неоднородность потребителей старшего возраста может воспроизводить существующие различия между социальными стратами [Goulding, 2018]. Среди факторов, меняющих потребительские предпочтения и уровень расходов, наряду с возрастом выделяют особенности жизненной ситуации (в том числе, например, наличие собственного жилья и длительность проживания в нем) [Zimmer, Chappell, 1996], пол, брачный статус, уровень образования [Abdel-Ghany, Sharpe, 1997; Ong, Kitchen, Jama, 2008]. В частности, на данных по Малайзии за 2008 и 2016 гг. показано, что по сравнению с мужчинами женщины имеют более высокий уровень расходов на здравоохранение и образование, а те, кто состоит в партнерских отношениях, по сравнению с одинокими людьми тратят больше на продукты питания и рестораны, здравоохранение, одежду и отдых [Ong, Kitchen, Jama, 2008 там же]. В свою очередь, возраст выступает ключевым фактором, определяющим потребительский интерес, который в большей степени, чем здоровье или доход, влияет на потребительские расходы [Zimmer, Chappell, 1996].

Предыдущие российские исследования, с одной стороны, фиксируют более широкое, чем в Европе, распространение материальных деприваций, в том числе в питании [Малева и др., 2019], что связано с невысоким размером пенсий. С другой стороны, в исследовании по Санкт-Петербургу показано, что несбалансированность питания россиян старшего (60+) возраста обусловлена не столько финансовыми трудностями, сколько стереотипными практиками питания и отсутствием культуры правильного питания [Веселов, Таранова, Цзюнькай, 2018].

Обзор результатов имеющихся исследований позволил сформулировать следующие гипотезы данного исследования.

Потребление людей старшего возраста отличается от потребления более молодых по объему и структуре. В частности, по сравнению с более молодыми люди старшего возраста в целом имеют сниженный уровень расходов и более простую структуру потребления, и по мере повышения возраста пожилого человека эта тенденция усиливается (*гипотеза 1*).

По сравнению с теми пожилыми, кто занят на рынке труда, для не имеющих работы характерен более низкий уровень расходов на питание (дома и вне дома) (*гипотеза 2*).

Потребительская группа людей старшего возраста неоднородна. Размер и структура потребления варьирует в зависимости от возраста, пола, уровня образования, доходной обеспеченности, а также потребительских привычек (стилей потребления) (*гипотеза 3*).

Данные и методы

Исследование выполнено на данных первой волны обследования НИУ ВШЭ «Экономическое поведение домашних хозяйств» (ЭПДХ) 2023 г.⁵ Выборка репрезентативна в масштабах страны и состоит из 6 тыс. человек в возрасте 18 лет и старше из 55 регионов Российской Федерации; в том числе в возрасте 60 лет

⁵ URL: <https://www.hse.ru/hheb/> (дата обращения: 21.06.2025).

и старше опрошено 1610 человек (проживает без детей 1505 респондентов). Данные позволяют получить представление об оценке и динамике доходной и имущественной обеспеченности домохозяйств, их потребительского, сберегательного и финансового поведения. Наше исследование фокусируется на населении РФ 60 лет и старше, однако для сравнительного анализа приводятся распределения рассматриваемых показателей для более молодых респондентов.

В совокупные расходы включены такие категории трат, как ежемесячные платежи по ипотечному кредиту; аренда жилья; ежемесячная оплата жилищно-коммунальных услуг; расходы на проезд в общественном транспорте, топливо и обслуживание автомобиля; оплата услуг по присмотру и уходу за детьми, пожилыми и людьми с ограниченными возможностями здоровья; оплата основного или дополнительного образования для детей и взрослых; медицинские услуги; лекарства; выплата алиментов, оказание финансовой поддержки живущим отдельно детям и другим родственникам; выплаты по долгам, микрозаймам и кредитам; туристические поездки, путешествия и отпуск вне дома и дачи; развлечения, хобби и досуг; электронные подписки, спутниковое и цифровое ТВ, компьютерные игры, программное обеспечение; оплата мобильной связи и интернета; уборка и поддержание порядка в доме, уход за садом, земельным участком; питание дома (включая безалкогольные напитки); алкогольные напитки; табак; питание вне дома и покупка готовой еды; одежда и обувь; корм, товары и услуги для домашних животных; благотворительность, пожертвования.

Для учета межрегиональных различий в уровне жизни рассматриваемые в статье показатели доходов и расходов корректируются на отношение регионального прожиточного минимума (ПМ) к федеральному ПМ на 2023 г. Среднедушевые оценки получены путем простого деления расходов на число членов домохозяйства респондента, без применения шкал эквивалентности и, соответственно, учета возможной экономии в потреблении больших домохозяйств. В рамках данной работы траты пожилых россиян рассматриваются преимущественно в контексте возрастных различий.

Особенности потребления населения 60 лет и старше определены на основе кластерного анализа методом *k*-средних, в основе которого — доля расходов на питание на дому в совокупных расходах. Число кластеров выделено с использованием метода локтя. Полученные кластеры рассматриваются в разрезе потребительских стилей, категорий трат и наличия сбережений и долгов. Стили потребления выявлены на основе факторного анализа (метод главных компонент), результаты которого приведены в Приложении.

Для проверки статистической значимости различий в факторах потребления были построены три регрессионные модели. Зависимой переменной в первой модели является логарифм совокупных среднедушевых расходов; во второй модели — логарифм среднедушевых расходов на домашнее питание. Третья модель построена для выявления факторов, обуславливающих неоднородность потребительской группы людей старшего возраста, поэтому зависимой переменной являются выделенные кластеры. Для первой и второй моделей оцениваются линейные регрессии, для третьей модели строится мультиномиальная логистическая регрессия. Во все регрессионные уравнения включены следующие незави-

симые переменные: пол, возрастные группы (60—64 лет, 65—69 лет, 70—74 лет, 75 лет и старше), наличие высшего образования (есть, нет), тип населенного пункта (село, город с численностью менее 100 тыс. чел., от 100 до 500 тыс. чел., свыше 500 тыс. чел., Москва и Санкт-Петербург), субъективная оценка материального положения (не хватает на еду или одежду, не хватает на крупную бытовую технику, денег достаточно на крупные покупки), число людей, проживающих с респондентом (живу один, 2, 3 и более), статус на рынке труда (есть работа, нет работы), наличие сбережений (да, нет), наличие долгов или займов (да, нет). Во второй модели дополнительно тестируются эффекты следующих переменных: наличие расходов на питание вне дома (да, нет) и логарифм среднедушевых расходов на лекарства. В третьей модели в число факторов также входит наличие трат на транспорт (да, нет), на медицинские услуги (да, нет), на путешествия и хобби (да, нет).

Ограничением дизайна опроса ЭПДХ выступает скупая информация о составе домохозяйства, не позволяющая выделить чистые домохозяйства лиц старшего возраста. Поэтому для снижения неоднородности выборки по потреблению при сохранении достаточного для анализа числа наблюдений факторный, кластерный и регрессионный анализ проведены для подвыборки респондентов 60 лет и старше, проживающих без несовершеннолетних детей. В ходе исследования в спецификации модели включались такие переменные, как самооценка здоровья (единственная характеристика здоровья, доступная в ЭПДХ), брачно-партнерский статус, наличие в домохозяйстве (других) работающих и (других) пенсионеров, однако они оказались незначимы и не улучшали качество моделей и поэтому были исключены из итоговых моделей. Так как среди анализируемой подвыборки 94,9 % получают пенсию, эффект в моделях не тестируется.

Возрастные особенности уровня расходов домохозяйств

Чем потребление в старших возрастах отличается от потребления более молодых?

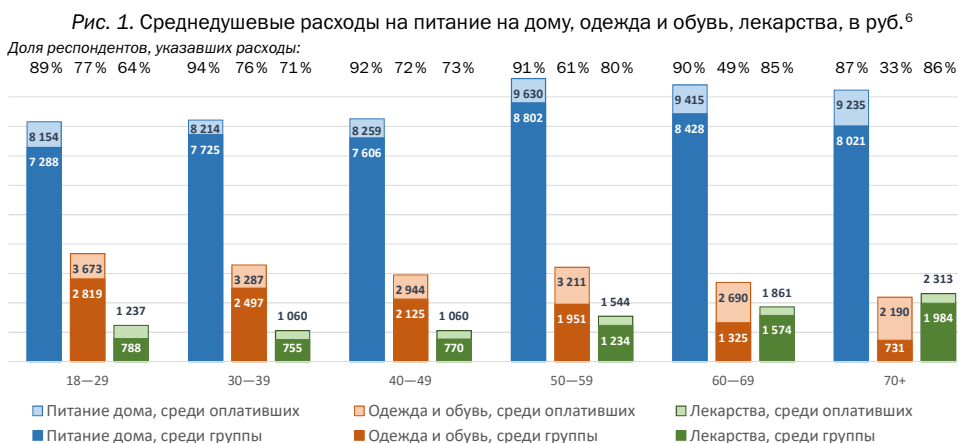
Описательный анализ данных ЭПДХ показывает, что в разрезе пятилетних возрастных групп наиболее высокие среднедушевые расходы (30,5 тыс. руб.) наблюдаются у респондентов 25—29 и 30—34 лет — период, характеризующийся достаточно высокими и растущими заработками и появлением первых детей. В дальнейшем среднедушевые расходы снижаются, и следующий пик расходов приходится на возраста 50—54 и 55—59 лет (27—28 тыс. руб.) — жизненный этап, характеризующийся двойной семейной нагрузкой — на выросших детей (оплатой их профессионального образования, помощью внукам) и престарелых родителей (оплатой расходов на их лечение и уход), а также подготовкой к собственной старости: некоторые люди к этому времени уже оформляют пенсию, и это либо означает рост доходов, в случае совмещения пенсии с занятостью, либо появление свободного времени. В каждой последующей возрастной группе среднедушевые расходы сокращаются: с 22,7 тыс. руб. в 60—64 года вплоть до 17,3—17,8 тыс. руб. в возрастах 75—79 лет и 80 лет и старше. Таким образом, динамика средних величин подтверждает результаты исследований, фиксирующих сокращение потребительских расходов в старших возрастах [Hurst, 2008].

Расходы на питание и приобретение одежды и обуви относятся к базовому потреблению. Домохозяйственные траты на питание дома отмечают от 87 % до 94 %

респондентов разных возрастов (оставшаяся часть домохозяйств не указала данную информацию). Наиболее высокие среднедушевые расходы на еду дома фиксируются среди населения 50—59 лет (см. рис. 1). После 60 лет показатель снижается, при этом в среднем пожилые расходуют на приобретение продуктов питания для домашнего приготовления больше, чем лица 18—49 лет.

Доля расходов на одежду и обувь относительно стабильна у респондентов моложе 50 лет, а потом сокращается, сильнее всего в возрасте 70 лет и старше. Среднедушевые траты среди тех, кто покупает одежду и обувь, максимальны у респондентов младше 30 лет (3 673 руб. в мес.), после небольшого снижения вновь возрастают в группе 50—59 лет (3 211 руб.), а затем снижаются до 2 190 руб. в домохозяйствах респондентов 70 лет и старше.

Расходы на лекарства — еще одна статья базового потребления, даже в возрастах младше 30 лет присутствующая у 64 %. Распространенность этой потребительской позиции после 70 лет (86 %) сопоставима с домашним питанием, что очевидно обусловлено ухудшением здоровья. Среднедушевые расходы на лекарства закономерно возрастают среди лиц 50 лет и старше.

Категории расходов так называемого расширенного, или сложного, потребления присутствуют в домохозяйствах с лицами старшего возраста заметно реже. Траты на питание вне дома чаще всего встречаются в домохозяйствах респондентов 18—29 лет, тогда как в более старших возрастах снижаются, особенно это заметно после 60 лет (см. рис. 2). Среди домохозяйств респондентов 70 лет и старше всего 11 % указали эту статью расходов. В старших возрастах еда вне дома относится скорее к необязательному, расширенному потреблению, вероятно, связанному с особыми поводами. Среднедушевые расходы на питание вне дома в месяц также уменьшаются — с 2 468 руб. в самой молодой группе до 1 762 руб. в самой старшей.

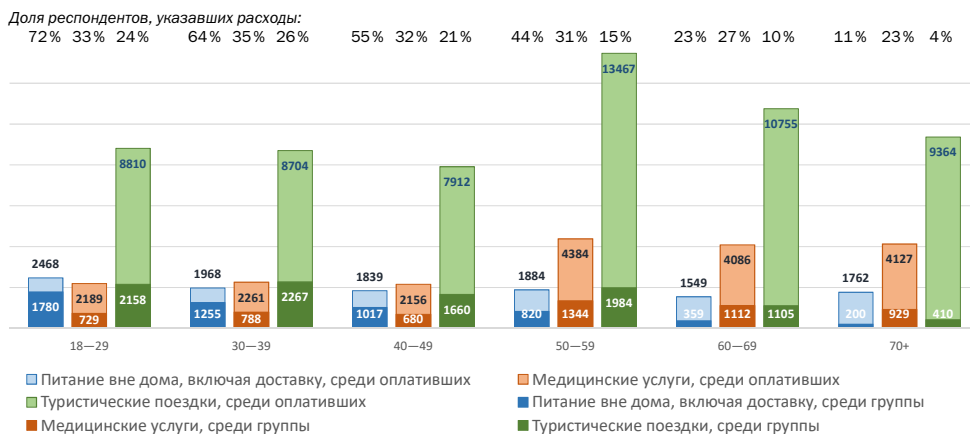
⁶ Темные столбцы представляют размер расходов среди всех представителей возрастной группы, светлые столбцы — размер расходов только среди тех, кто указал траты в категории.

Оплата медицинских услуг, в том числе благодаря доступности медицины в рамках ОМС, — достаточно редкая статья расходов, ее максимальное значение в возрасте 30—39 лет не превышает 35%. В старших возрастах доля этой статьи расходов снижается, но среднедушевые траты тех, кто ее имеет, заметно растут — они почти вдвое выше, чем в более молодых возрастах.

Расходы на туристические поездки отмечаются примерно в 21%—26% домохозяйств респондентов моложе 50 лет, и лишь в 10% и 4% домохозяйств респондентов 60—69 и 70 лет и старше соответственно. Однако возрастной профиль расходов на туристические поездки отличается: среди тех, кто может себе их позволить, наибольшие расходы наблюдаются в возрасте 50—59 лет, и в целом старшее поколение, которое путешествует, тратит на эти цели больше средств, чем молодежь. Возможно, речь идет о поездках на более дальние расстояния и в более комфортных условиях. Расходы на хобби, развлечения и досуг позволяют себе 66% домохозяйств респондентов младше 30 лет, но лишь 35% — 50—59 лет, 23% — 60—69 лет и 12% — домохозяйств респондентов 70 лет и старше. Величина среднедушевых трат на развлечения, хобби и досуг начинает снижаться после 40 лет, и особенно после 60 лет.

Выплаты по кредитам, долгам и микрозаймам практически исчезают в возрастах старше 60 лет. Но наибольший размер выплат по займам и потребительским кредитам наблюдается среди предпенсионеров 50—59 лет, что может быть следствием более высоких трат в этом возрасте.

Рис. 2. Среднедушевые расходы на питание вне дома, медицинские услуги, туризм, в руб.⁷

Таким образом, в старших возрастах наблюдается снижение распространенности среднедушевых расходов по всем ключевым статьям потребления, за исключением покупки лекарств. Расходы на эту цель возрастают после 50 лет и встречаются в семьях людей старшего возраста чаще, чем в более молодых возрастах.

⁷ Темные столбцы представляют размер расходов среди всех представителей возрастной группы, светлые столбцы — размер расходов только среди тех, кто указал траты в категории.

От чего зависят потребительские расходы населения старшего возраста?

Результаты регрессионного анализа для среднедушевых совокупных расходов и трат на домашнее питание лиц 60 лет и старше приведены в таблице 1 (модели 1 и 2). Используемые в них социально-демографические и социально-экономические переменные лучше объясняют различия в совокупных расходах, чем в расходах на питание дома. Различия между мужчинами и женщинами оказываются значимыми только в модели 1 — женщины имеют значимо более высокие совокупные расходы, тогда как различия в расходах на питание статистически не значимы. Величина совокупных расходов снижается с возрастом, особенно после 75 лет. Динамика расходов на питание дома в меньшей степени связана с возрастом, за исключением возрастной группы 70—74 года, которая тратит на еду дома значимо меньше, чем в возрасте 60—64 года, что может быть связано с сокращением доходов. Наличие высшего образования, работы и сбережений связано с более высокими совокупными расходами, тогда как в модели 2 только наличие работы значимо ассоциировано с более высокими тратами на еду дома.

Таблица 1. Коэффициенты линейных регрессий для логарифма среднедушевых совокупных расходов (модель 1) и среднедушевых расходов на домашнее питание (модель 2)

	Модель 1	Модель 2
	Логарифм среднедушевых совокупных расходов, дефлированный на отношение регионального и федерального ПМ	Логарифм среднедушевых расходов на домашнее питание, дефлированный на отношение регионального и федерального ПМ
Пол (реф. — Мужской)		
Женский	0,121***	–0,019
Возрастные группы (реф. — 60—64 лет)		
65—69 лет	–0,058	–0,036
70—74 лет	–0,087*	–0,101**
75 лет и старше	–0,178***	0,042
Уровень образования (реф. — Ниже высшего)		
Есть высшее	0,219***	0,051
Статус занятости (реф. — Нет работы)		
Есть работа	0,259***	0,086*
Наличие сбережений (реф. — Нет)		
Есть	0,097**	0,049
Число людей, проживающих с респондентом (реф. — Живу один)		
2 человека	–0,403***	–0,257***
3 и более	–0,787***	–0,588***
Наличие долгов и займов (реф. — Нет)		
Есть	0,351***	–0,091
Субъективная оценка материального положения (реф. — Не хватает на крупную бытовую технику)		
Не хватает на еду или одежду	–0,008	0,085***
Денег достаточно на крупные покупки	0,158***	0,015

	Модель 1	Модель 2
	Логарифм среднедушевых совокупных расходов, дефлированный на отношение регионального и федерального ПМ	Логарифм среднедушевых расходов на домашнее питание, дефлированный на отношение регионального и федерального ПМ
Тип населенного пункта (реф. — Село)		
Город, менее 100 тыс. населения	0,007	0,095**
Город, от 100 до 500 тыс. населения	0,053	0,075
Город, от 500 тыс. населения и более	0,119**	0,088*
г. Москва и г. Санкт-Петербург	−0,138**	0,007
Есть расходы на еду вне дома, включая доставку (реф. — Нет)		
Есть		0,136***
Логарифм среднедушевых расходов на лекарства		0,015**
Константа	9,791***	8,998***
Число наблюдений	1482	1462
R-квадрат	0,2370	0,1049

Примечание: *** — $p < 0,01$, вероятность ошибки на уровне 1 %, ** — $p < 0,05$, вероятность ошибки на уровне 5 %, * — $p < 0,10$, вероятность ошибки на уровне 10 %.

Наличие долгов закономерно значимо связано с более высокими совокупными расходами, но не с расходами на домашнее питание. Субъективная оценка материального благополучия выступает прокси-индикатором доходной обеспеченности, поскольку данные о доходах в ЭПДХ учитываются недостаточно полно: для совокупных расходов положительная связь отмечается для высокодоходной группы, для расходов на питание — для низкодоходной группы.

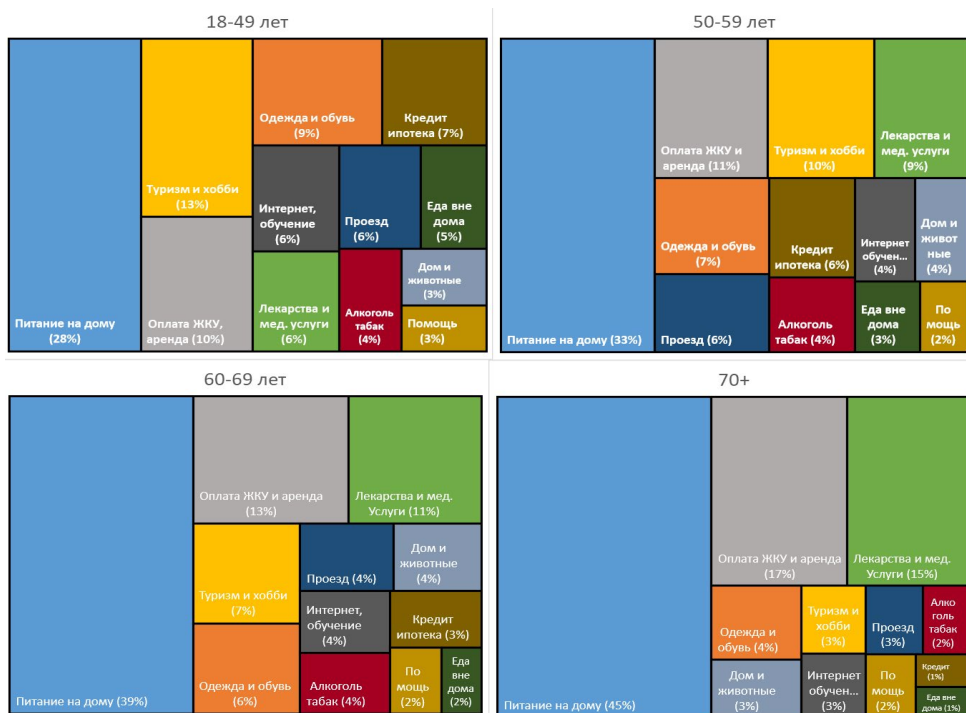
Так как в работе рассматриваются среднедушевые расходы, совместное проживание с кем-то связано с более низкими совокупными расходами и тратами на домашнее питание. Отчасти этот эффект — следствие того, что мы не применяли шкалы эквивалентности. Совокупные расходы в Москве и Санкт-Петербурге (скорректированные на разницу в ценах) ниже, что может быть следствием реализуемых программ поддержки старшего поколения (например, «Московское долголетие»).

Интересно, что наличие расходов на питание вне дома, включая доставку готовой еды, ассоциировано с более высокими расходами на питание дома. Также чем выше размер трат на лекарства, тем выше расходы на домашнее питание. Это соотносится с результатами, проиллюстрированными в дескриптивной части отдельных категорий потребления, и, скорее всего, отражает недостаточно полный учет в модели (и в опросе) доходной обеспеченности домохозяйства: более обеспеченные имеют возможность тратить больше и на базовое, и на расширенное потребление.

Структура потребительских расходов

Наблюдаемое в старших возрастах снижение распространенности многих статей расходов свидетельствует об упрощении структуры потребления, особенно заметном после 70 лет (см. рис. 3). В совокупных расходах возрастает доля расходов на питание дома — от 27,7 % для 18—49 лет до 45,3 % среди респондентов 70 лет и старше, что является ключевой характеристикой эффекта Энгеля, свидетельствующего о снижении уровня доходов. С возрастом увеличивается вес статьи расходов на оплату жилищно-коммунальных услуг (ЖКУ) и аренды — с 10,1 % у респондентов 18—49 лет до 16,8 % у тех, кому 70 лет и более, что также свидетельствует о снижении дохода (при этом аренда составляет лишь 2,2 % и 0,1 %). Растет доля расходов на приобретение лекарств и медицинских услуг (с 5,8 % в 18—49 лет и 9,0 % в 50—59 лет до 15,4 % в 70 лет и старше). В результате на три базовые статьи расходов — питание дома, оплату ЖКУ и лекарства — в возрасте 60—69 лет приходится 63 % всех расходов, а в возрасте 70 лет и старше — уже 77 %. Одновременно снижаются удельные веса расходов на покупку одежды и обуви (от 9,2 % до 4,4 %), туризм и хобби (от 13,3 % до 2,9 %). Вместе с сокращением расходов на проезд и питание вне дома это свидетельствует о снижении мобильности и активности по мере старения, связанном, вероятно, со снижением уровня жизни и накоплением проблем со здоровьем.

Рис. 3. Структура потребления населения 18—49 лет и респондентов 50 лет и старше по десятилетним возрастным группам, в %

Кластерный анализ, проведенный для лиц 60 лет и старше, проживающих без детей, реализован на основе показателя «доля расходов на домашнее питание в совокупных расходах». Он позволяет исследовать внутреннюю неоднородность потребления целевой группы без жесткой привязки ее к возрасту. Было выделено три кластера: первый, охватывающий 29,4 % респондентов подвыборки, характеризуется низкой долей расходов на питание (центр кластера — 25 %), второй (38,4 % респондентов) — средней (центр кластера — 49 %), третий кластер (25 % респондентов) — высокой долей (центр кластера — 70 %). Оставшиеся 7,2 % целевой выборки были исключены из анализа из-за отсутствия данных или их некорректности.

Связь стилей потребления и выделенных кластеров свидетельствует, что представители третьего кластера, направляющие на питание существенную часть расходов, чаще ведут себя как осторожные потребители, скорее не склонные к спонтанным тратам и переплате за бренды (см. табл. 2). В то же время отсутствие значимой положительной связи с покупкой зарекомендовавших себя недорогих товаров или поиском наиболее выгодных покупок позволяет предположить, что в третьем кластере чаще встречаются не столько осторожные, сколько маргинализированные потребители, сталкивающиеся с различными ограничениями в доходах и мобильности. Стремление приобретать качественные и брендовые товары и легче относиться к тратам, наоборот, скорее характерно для респондентов первого кластера с низкой долей расходов на домашнее питание. Второй кластер отмечается склонностью к покупке проверенных товаров по умеренным ценам без стремления к чрезмерной экономии. С изрядной долей условности первый кластер можно назвать «покупателями, ориентированными на качество», второй — «прагматичными покупателями» и третий — «осторожными покупателями».

Таблица 2. *Корреляция стилей потребления и принадлежности к кластерам (N = 1 396)*

		Стили потребления				
		Проверенное без переплат	Качество и бренд	Поиск выгоды	Легкая покупка	Нравится покупать, выбирать
Кластеры	Кластер 1 «покупатели, ориентированные на качество»	−0,108***	0,049*	0,042	0,058**	0,010
	Кластер 2 «прагматичные покупатели»	0,072***	0,002	−0,063**	0,019	−0,028
	Кластер 3 «осторожные покупатели»	0,033	−0,054**	−0,027	−0,082***	0,020

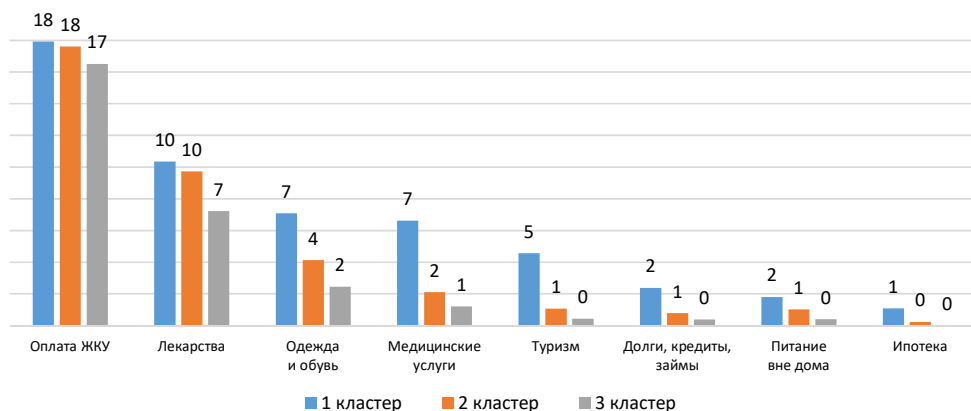
Примечание: *** — $p < 0,01$, вероятность ошибки на уровне 1 %, ** — $p < 0,05$, вероятность ошибки на уровне 5 %, * — $p < 0,10$, вероятность ошибки на уровне 10 %.

Анализ характеристик представителей разных кластеров показывает, что представители первого кластера в среднем моложе, реже имеют сбережения и чаще обременены кредитами (см. табл. 3). Среди тех, кто сформировал сбережения, в первом кластере больше тех, у кого они либо совсем небольшие (хватит для нормальной жизни не более 1 месяца), либо, напротив, их хватит для обеспечения жизни на период более полугода, а в третьем — на 2—6 месяцев. Совокуп-

ный размер среднедушевых расходов для представителей первого кластера выше, чем в других кластерах, а также превышает усредненные среднедушевые доходы респондентов, что может быть связано с более высокой распространенностью кредитов в этой группе (см. табл. 3).

Доля расходов на оплату ЖКУ во всех кластерах схожа и составляет около 17—18 % (см. рис. 4). Вес расходов на лекарства в первом и втором кластерах сопоставим, в третьем чуть ниже. Помимо более высоких трат на питание дома в структуре потребления респондентов второго и третьего кластеров существенно ниже расходы на медицину, туризм, питание вне дома и кредиты, чем в первом кластере. Различия в структуре отчасти могут обуславливаться различиями в уровне доходов представителей этих кластеров, отчасти отражать увеличивающуюся с возрастом имобильность и, соответственно, различия в образе жизни.

Рис. 4. Доля расходов на отдельные категории потребления в совокупных расходах в зависимости от принадлежности к кластеру, в %

На основе выделенных кластеров построена мультиномиальная логистическая регрессия, где второй кластер является референтной группой (см. табл. 4). Относительно среднего кластера в кластер с низкой долей расходов на домашнее питание значимо реже попадают респонденты более старшего возраста (75 лет и старше), без сбережений, при этом с кредитами и займами, высоко оценивающие свое материальное положение. В третьем кластере чаще встречаются лица, проживающие с кем-то вдвоем, не имеющие долгов.

Не оказывают значимого влияния на вероятность попасть в тот или иной кластер пол респондентов, уровень образования и занятость. Примечательно, что принадлежность к первому кластеру относительно второго по сравнению с жителями села ниже для респондентов, проживающих в городах свыше 100 тыс. населения; а к третьему — выше в Москве и Санкт-Петербурге.

Траты на питание вне дома, как и более высокие расходы на лекарства, скорее не характерны для кластера с высокой долей расходов на домашнее питание пожилых. При этом наличие транспортных расходов и совершение оплаты медицинских услуг с более высокими шансами свойственны первому кластеру с низ-

кой долей расходов на питание дома и не свойственны третьему. Траты на путешествия и хобби отличают первый кластер.

Таблица 4. **Отношения шансов мультиномиальной логистической регрессии для кластеров**

	Модель 3, реф. — 2 кластер	
	1 кластер (низкая доля расходов на еду дома)	3 кластер (высокая доля расходов на еду дома)
Пол (реф. — Мужской)		
Женский	1,238	1,245
Возрастные группы (реф. — 60—64 лет)		
65—69 лет	0,848	1,118
70—74 лет	0,971	0,982
75 лет и старше	0,625**	1,084
Уровень образования (реф. — Ниже высшего)		
Есть высшее	1,246	0,899
Статус занятости (реф. — Нет работы)		
Есть работа	1,166	0,799
Наличие сбережений (реф. — Нет)		
Есть	0,636***	1,033
Число людей, проживающих с респондентом (реф. — Живу один)		
2 человека	0,896	1,878***
3 и более	0,892	1,514
Наличие долгов и займов (реф. — Нет)		
Есть	2,308***	0,410**
Субъективная оценка материального положения (реф. — Не хватает на крупную бытовую технику)		
Не хватает на еду или одежду	1,181	0,997
Денег достаточно на крупные покупки	1,602**	0,820
Тип населенного пункта (реф. — село)		
Город, менее 100 тыс. населения	0,865	1,361
Город, от 100 до 500 тыс. населения	0,672*	0,877
Город, от 500 тыс. населения и более	0,695*	0,908
г. Москва и г. Санкт-Петербург	0,513***	1,599***
Есть расходы на еду вне дома, включая доставку (реф. — Нет)		
Да	1,088	0,440***
Логарифм среднедушевых расходов на лекарства	1,008	0,863***
Есть расходы на транспорт (реф. — Нет)		
Да	1,397**	0,508***
Есть расходы на медицинские услуги (реф. — Нет)		
Да	2,031***	0,604***
Есть расходы на путешествия и хобби (реф. — Нет)		
Да	1,543**	0,790
Константа	0,505**	1,713*
Число наблюдений	1387	
Псевдо R-квадрат	0,1224	

Примечание: *** — $p < 0,01$, вероятность ошибки на уровне 1%, ** — $p < 0,05$, вероятность ошибки на уровне 5%, * — $p < 0,10$, вероятность ошибки на уровне 10%.

Заключение

Анализ показывает, что, хотя величина совокупных среднедушевых расходов снижается с возрастом, ее динамика не совсем линейна: в предпенсионных возрастах (50—59 лет) расходы увеличиваются почти до уровня, характерного для 30—35 лет. В пенсионных возрастах расходы монотонно сокращаются вплоть до 75 лет, после чего, согласно данным ЭПДХ, стабилизируются на довольно низком уровне. Регрессионный анализ на подвыборке лиц 60 лет и старше, проживающих без детей, подтверждает этот вывод: по сравнению с 60—64-летними расходы после 70 лет снижаются, но особенно — после 75 лет. Это соответствует выдвинутому нами предположению и результатам ранее проведенных исследований. При этом расходы на питание с возрастом — при контроле других характеристик пожилого человека, отражающих уровень его материального положения и наличие свободного времени, — сокращаются только для респондентов 70—74 лет, что отличается от выводов, полученных другими исследователями, в том числе по России 20-летней давности [Nivorozhkin, 2010].

Упрощение структуры потребления характерно для всех старших возрастов 60 лет и старше, но становится особенно заметным после 70 лет, когда четыре пятых расходов приходится на базовое потребление — расходы на питание дома, оплату ЖКУ, лекарства, одежду и связь, что также подтверждает первую гипотезу. Такая ситуация — следствие снижения общего уровня расходов при почти неизменных расходах на питание дома и возрастающих расходах на лекарства, а также — при необходимости — на оплату медицинских услуг. Эти статьи расходов являются неэластичными по доходу и обусловлены ухудшающимся здоровьем людей по мере старения. Их рост вытесняет расходы на досуг, хобби, развлечения, туризм и даже одежду и обувь.

В части сокращения расходов на одежду, обувь и поездки (транспортные расходы) в пенсионных возрастах полученные результаты согласуются с другими исследованиями, однако мы не наблюдаем отмеченного в литературе о США роста расходов на досуг и развлечения [Aguilar, Hurst, 2013], а также стабильности доли сложного потребления в ранних пенсионных возрастах, характерного для развитых западных стран в 1990—2000-е годы [Gilleard, Higgs, 2011]. В России возрастание сложности потребления характерно скорее для предпенсионеров 50—59 лет, где изменение потребительского поведения может быть следствием не только более высоких доходов или этапа жизненного цикла («пустого гнезда»), но и изменившихся возрастных норм, в которых траты на путешествия, питание вне дома, отдых становятся важным элементом стиля жизни.

Регрессионный анализ свидетельствует, что работающие пожилые — при контроле других возможных отличий — скорее имеют более высокие как совокупные среднедушевые расходы, так и расходы на домашнее питание, что подтверждает вторую гипотезу исследования. Это также согласуется с результатами описанных в статье более ранних исследований по США и России [Browning, Crossley, 2001; Battistin et al., 2009; Nivorozhkin, 2010].

Несколько результатов исследования подтверждают гипотезу о неоднородности лиц 60 лет и старше как потребителей. Регрессионный анализ факторов, влияющих на уровень совокупных среднедушевых расходов, показал значимость

различий по полу, возрасту, уровню образования, статусу занятости, субъективной оценке материального положения, наличию сбережений и долгов. Женщины, лица с высшим образованием, работающие, субъективно более обеспеченные имеют более высокие расходы, тогда как лица 75 лет и старше — более низкие.

С помощью кластерного анализа были выделены три группы потребителей по доле трат на питание дома в совокупных расходах. А значимая корреляция кластеров со стилями потребления позволила охарактеризовать их с точки зрения потребительского поведения как «покупателей, ориентированных на качество», для которых характерна низкая доля расходов на питание дома; «прагматичных покупателей» со средней долей соответствующих расходов и «осторожных покупателей» — с высокой.

Описательный статистический анализ и мультиномиальная логистическая регрессия подтвердили значимые различия между этими тремя типами потребителей по таким показателям, как возраст, субъективная оценка материального положения, отдельные категории трат.

Группа с наиболее высокой долей расходов на питание в целом старше, в ней значимо больше лиц из домохозяйств, состоящих из двух человек (скорее всего, супружеских пар), имеющих сбережения, но одновременно — больше неработающих пенсионеров без сбережений; эта категория меньше тратит на лекарства и реже имеет расходы на медицинские услуги, хобби и путешествия, а также в целом — на любые другие статьи потребления. Это люди, не склонные к спонтанным покупкам или ориентации на бренды и качество, и, вероятно, среди них достаточно много уязвимых маргинализированных потребителей, сталкивающиеся с различными ограничениями в доходах, активности и мобильности. Вместе с тем более высокая вероятность присутствия в этой группе жителей Москвы и Санкт-Петербурга позволяет предположить, что высокая доля расходов на питание может быть следствием большей доступности в этих мегаполисах бесплатных или по сниженным ценам непродовольственных товаров и услуг, включая оплату ЖКУ, лекарства, транспорт, медицину.

Группа с низкой долей расходов на питание, напротив, моложе, образованнее, субъективно обеспеченнее, но в ней значимо меньше тех, кто имеет сбережения, и одновременно значимо больше лиц с долгами. Более низкая доля расходов на питание дома позволяет им иметь другие расходы, в том числе из списка так называемого расширенного, сложного потребления. Меньшая вероятность попасть в эту группу для жителей городов с численностью от 100 тыс. человек и выше позволяет предположить, что жители небольших городов и сел, с одной стороны, имеют меньший доступ к субсидируемым местными властями товарам и услугам, а с другой — лучше обеспечивают себя продуктами питания, выращенными на приусадебных участках.

Таким образом, характер потребления в старшем возрасте, по-видимому, определяется не только величиной доходов, но и, возможно, в большей степени возрастом, образованием и активностью человека и связанными с ними различиями в стилях жизни. На наш взгляд, дальнейшего, более пристального изучения заслуживают различия, наблюдаемые в потреблении предпенсионеров (50—59 лет), еще сохраняющих стили жизни, свойственные более молодым возрастам, и де-

монстрирующих более высокий уровень расходов и более сложную структуру потребления, пенсионеров ранних возрастов (60—74 лет) и пенсионеров старших возрастов (75 лет и старше). Для последних характерно наблюдаемое и в других странах заметное сокращение расходов, превышающее динамику их доходов, и упрощение потребления. Часть наблюдаемых нами различий может быть связана с влиянием социокультурных факторов, которые не учитываются в используемых нами данных.

К числу ограничений нашего исследования стоит отнести также укрупненные сведения о расходах, ограниченную информацию о доходах семьи и составе домохозяйства. Тем не менее даже на данных ЭПДХ есть возможность дальнейшего изучения потребления лиц старшего возраста за счет выделения еще более однородных по составу домохозяйств, применения шкал эквивалентности к анализу расходов, а также привлечения более развернутой информации о потребительских практиках, имущественной обеспеченности и использования панельных данных.

Список литературы

1. Веселов Ю. В., Таранова О. А., Цзинь Ц. Горький хлеб старости? Социальные практики питания пожилых людей // Журнал исследований социальной политики. 2018. Т. 16. № 1. С. 81—94. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2018-16-1-81-94>.
Veslov Y. V., Taranova O. A., Junkai J. (2018) The Bitter Bread of Old Age? Social Practices of Nutrition Among Elderly People. *The Journal of Social Policy Studies*. Vol. 16. No. 1. P. 81—94 <https://doi.org/10.17323/727-0634-2018-16-1-81-94>. (In Russ.)
2. Малева Т. М., Гришина Е. Е., Карцева М. А., Кузнецова П. О. Бедность в детстве и в старости: не только дефицит доходов. М.: Дело РАНХиГС, 2019.
Maleva T. M., Grishina E. E., Kartseva M. A., Kuznetsova P. O. (2019) Poverty in Childhood And Old Age: Not Only Income Deficit. Moscow: Delo RANEPa. (in Russ.)
3. Ниворожкина Л. И., Ниворожкин А. М., Абазиева К. Г. Модель разрывной регрессии как инструмент оценки изменений в потреблении при выходе на пенсию // Прикладная эконометрика. 2010. Т. 3. № 19. С. 112—126.
Nivorozhkina L. I., Nivorozhkin A. M., Abazieva K. G. (2010) Regression Discontinuity Model as A Tool for Assessing Changes in Consumption upon Retirement. *Applied Econometrics*. Vol. 3. No. 19. P. 112—126. (in Russ.)
4. Синавская О. В. Российские пенсионеры: в чем их бедность и уязвимость? // SPERO Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры. 2006. № 4. С. 66—78.
Sinyavskaya O. V. (2006) Russian Pensioners: What Is Their Poverty and Vulnerability? *SPERO Social Policy: Examination, Recommendations, Reviews*. No. 4. P. 66—78. (in Russ.)
5. Abdel-Ghany M., Sharpe D. L. (1997) Consumption Patterns Among the Young-Old and Old-Old. *Journal of Consumer Affairs*. Vol. 31. No. 1. P. 90—112. <https://doi.org/10.1111/j.1745-6606.1997.tb00828.x>.

6. Aguiar M., Hurst E. (2005) Consumption vs. Expenditure. *Journal of Political Economy*. Vol. 113. No. 5. P. 919—948. <https://doi.org/10.1086/491590>.
7. Aguiar M., Hurst E. (2007) Lifecycle Prices and Production. *American Economic Review*. Vol. 97. No. 5. P. 1533—1559. <https://doi.org/10.1257/aer.97.5.1533>.
8. Aguiar M., Hurst E. (2013) Deconstructing Lifecycle Expenditure. *Journal of Political Economy*. Vol. 121. No. 3. P. 437—492 <https://doi.org/10.1086/670740>.
9. Allais O., Leroy P., Mink J. (2020) Changes in Food Purchases at Retirement in France. *Food Policy*. No. 90. Art. 101806. <https://doi.org/10.1016/j.foodpol.2019.101806>.
10. Barrett G. F., Brzozowski M. (2012) Food Expenditure and Involuntary Retirement: Resolving the Retirement-Consumption Puzzle. *American Journal of Agricultural Economics*. Vol. 94. No. 4. P. 945—955. <http://dx.doi.org/10.1093/ajae/aas030>.
11. Battistin E., Brugiavini A., Rettore E., Weber G. (2009) The Retirement Consumption Puzzle: Evidence from a Regression Discontinuity Approach. *American Economic Review*. Vol. 99. No. 5. P. 2209—2226. <http://dx.doi.org/10.1257/aer.99.5.2209>.
12. Beck U., Bonss W., Lau C. (2003) The Theory of Reflexive Modernization: Problematic, Hypotheses and Research Programme. *Theory Culture & Society*. Vol. 20. No. 2. P. 1—33. <http://dx.doi.org/10.1177/0263276403020002001>.
13. Berg H., Liljedal K. T. (2022) Elderly Consumers in Marketing Research: A Systematic Literature Review and Directions for Future Research. *International Journal of Consumer Studies*. Vol. 46. No. 5. P. 1640—1664. <http://dx.doi.org/10.1111/ijcs.12830>.
14. Borsch-Supan A. (1991) Implications of an Aging Population: Problems and Policy Options in West Germany and the United States. *Economic Policy*. Vol. 6. No. 12. P. 103—140. <http://dx.doi.org/10.2307/1344450>.
15. Borsch-Supan A., Stahl K. (1991) Life Cycle Savings and Consumption Constraints. *Journal of Population Economics*. No. 4. P. 233—255. <https://doi.org/10.1007/BF00602431>.
16. Browning M., Crossley T. F. (2001) The Life-Cycle Model of Consumption and Saving. *Journal of Economic Perspectives*. Vol. 15. No. 3. P. 3—22. <http://dx.doi.org/10.1257/JEP.15.3.3>.
17. Danziger S., Gaag J. V. D., Smolensky E., Taussig M. K. (1982) The Life-Cycle Hypothesis and the Consumption Behavior of the Elderly. *Journal of Post Keynesian Economics*. Vol. 5. No. 2. P. 208—227. <https://doi.org/10.1080/01603477.1982.11489357>.
18. Deaton A. (1992) Understanding Consumption. Oxford: Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/0198288247.001.0001>.
19. Fisher J., Johnson D., Marchand J., Smeeding T., Torrey B. B. (2008) The Retirement Consumption Conundrum: Evidence from a Consumption Survey. *Economics Letters*. Vol. 99. No. 3. P. 482—485. <https://doi.org/10.1016/j.econlet.2007.09.030>.

20. Friedman M. A (1957) *Theory of Consumption Function*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
21. Gilleard C., Higgs P. (2011) Consumption and Aging. In: Settersten R., Angel J. (eds) *Handbook of Sociology of Aging*. New York: Springer. P. 361—375.
22. Goulding A. (2018) The Role of Cultural Engagement in Older People's Lives. *Cultural Sociology*. Vol. 12. No. 4. P. 518—539. <https://doi.org/10.1177/1749975518754461>.
23. Higgs P., Gilleard C. (2006) Departing the Margins: Social Class and Later Life in a Second Modernity. *Journal of Sociology*. Vol. 42. No. 3. P. 219—241. <http://dx.doi.org/10.1177/1440783306066724>.
24. Hurd M. D. (1989) Mortality Risks and Bequests. *Econometrica*. Vol. 57. No. 4. P. 779—813. <https://doi.org/10.2307/1913772>.
25. Hurst E. (2008) The Retirement of a Consumption Puzzle. Working Paper 13789. Cambridge, MA: National Bureau of Economic Research. <https://doi.org/10.3386/w13789>.
26. Luengo-Prado J., Sevilla A. (2013) Time to Cook: Expenditure at Retirement in Spain. *The Economic Journal*. Vol. 123. No. 569. P. 764—789. <https://doi.org/10.1111/j.1468-0297.2012.02546.x>.
27. Miniaci R., Monfardini C., Weber G. (2003) Is There a Retirement Consumption Puzzle in Italy? IFS Working Papers No. 03.14. London: Institute for Fiscal Studies.
28. Modigliani F (1966) The Life Cycle Hypothesis of Saving, the Demand for Wealth and the Supply of Capital. *Social Research*. Vol. 33. No. 2. P. 160—217.
29. Moschis G. P. (2012) Consumer Behavior in Later Life: Current Knowledge, Issues, and New Directions for Research. *Psychology & Marketing*. Vol. 29. No. 2. P. 57—75. <https://doi.org/10.1002/mar.20504>.
30. Nivorozhkin A. (2010) The Retirement Consumption Puzzle: Evidence from Urban Russia. Working Paper.: Institute for Employment Research. URL: https://doku.iab.de/veranstaltungen/2010/5.1_Anton%20Nivorozhkin.pdf (accessed: 14.12.2024).
31. Ong F. S., Kitchen J. P., Jama A. T. (2008) Consumption Patterns and Silver Marketing: An Analysis of Older Consumers in Malaysia. *Marketing Intelligence & Planning*. No. 26. P. 682—698. <https://doi.org/10.1108/02634500810916663>.
32. Stephens Jr. M., Toohey D. (2025) Changes in Nutrient Intake at Retirement. *American Economic Journal: Applied Economics*. Vol. 17. No. 1. P. 501—526. <http://dx.doi.org/10.1257/app.20180378>.
33. Velarde M., Herrmann R. (2014) How Retirement Changes Consumption and Household Production of Food: Lessons from German Time-Use Data. *The Journal of*

the Economics of Ageing. No. 3. P. 1—10. <http://dx.doi.org/10.1016/j.jeoa.2013.12.003>.

34. Zniva R., Weitzl W. (2016) It's Not How Old You Are but How You Are Old: A Review on Aging and Consumer Behavior. *Management Review Quarterly*. Vol. 66. No. 4. P. 267—297. <https://doi.org/10.1007/s11301-016-0121-z>.
35. Zimmer Z., Chappell N. L. (1996) Distinguishing the Spending Preferences of Seniors. *Canadian Journal on Aging*. Vol. 15. No. 1. P. 65—83. <https://doi.org/10.1017/S0714980800013295>.

Приложение

Таблица 1. **Факторный анализ стилей потребления для респондентов 60 лет и старше, метод вращения варимакс с нормализацией Кайзера**

	Проверенное, без переплат	Качество и бренд	Поиск выгоды	Легкая покупка	Нравится покупать и выбирать
Главное при выборе товара — относительно низкая цена			0,434		
Дешевые товары обычно низкого качества		0,505			
Я стараюсь при покупке выбирать товары самого высокого качества		0,619			
Я обычно принимаю решение о покупке сразу, как нахожу вариант, который мне кажется приемлемым по качеству	0,481				
Я предпочитаю покупать товары известных брендов		0,636			
Я не готов(а) переплачивать за известные бренды	0,600				
Для меня очень важны новые модные тренды		0,426			
Я обычно покупаю то, что проверено временем, невзирая на моду	0,650				
Мне очень нравится выбирать товары и совершать покупки					0,791
Я стараюсь тратить как можно меньше времени на покупки					–0,574
Я всегда стараюсь тщательно планировать свои покупки				–0,529	
Я часто покупаю товары спонтанно, без долгих раздумий				0,810	
Обычно мне сложно сделать выбор из-за обилия товаров и услуг			0,706		

	Проверен- ное, без переплат	Качество и бренд	Поиск выгоды	Легкая покупка	Нравится покупать и выбирать
Я легко выбираю то, что мне нужно из многих вариантов	0,520				
Я обычно не покупаю незнакомые мне товары, даже ради экономии	0,490				
Мои привычки часто меняются, поэтому я не покупаю одни и те же товары подолгу			0,589		
Информативность факторов	14,32	10,79	8,95	8,23	7,43